

Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ И АЛЬТЕРНАТИВА «ВОЕННОМУ КОММУНИЗМУ»

© 2016 М.М. Горинов

Общественный совет Главного архивного управления г.Москвы

Статья поступила в редакцию 04.04.2016

Статья посвящена проблеме «однородного социалистического правительства», которое предлагало сформировать в октябре-ноябре 1917 г. большинство российской революционной демократии, включая ряд большевистских лидеров. На основе преимущественно предложенных Е.А. Преображенского, впоследствии соавтора Н.И. Бухарина по «Азбуке коммунизма», автора концепции «первоначального социалистического накопления», моделируется возможное социальное, экономическое, идеологическое содержание, которое подразумевала политическая форма «однородного социалистического правительства». Отмечается, что эта альтернатива была реальной и в случае ее реализации Россия могла избежать крупномасштабной гражданской войны. А реализовавшаяся концепция «диктатуры пролетариата» («военный коммунизм») была не неизбежной, как утверждалось в советской историографии. На основании трудов российского историка С.А. Павлюченкова подвергнуты критике основные положения концепции «неизбежности военного коммунизма».

Ключевые слова: однородное социалистическое правительство, военный коммунизм, Е.А. Преображенский, гражданская война.

Большевистский лидер, видный советский экономист Евгений Алексеевич Преображенский (1886-1937 гг.) вошел в историю главным образом как соавтор Н.И. Бухарина по «Азбуке коммунизма» и создатель концепции «первоначального социалистического накопления»¹. Между тем, на наш взгляд, заслуживает пристального внимания и его анализ проблем развития советской государственности, в частности, октября - ноября 1917 г. – периода взятия власти большевиками.

В это время Е.А. Преображенский, лидер коммунистов уральского города Златоуст, выступал за «однородное социалистическое правительство»². То есть правительство, которое бы включало всех социалистов: большевиков, меньшевиков, правых и левых эсеров, народных социалистов...

Напомним, что на данных позициях стояло тогда большинство революционной демократии, в том числе и многие «ленинцы», включая большевистских лидеров всероссийского масштаба. Председатель ЦИК Советов Л.Б. Каменев, ряд ключевых наркомов: по внутренним делам А.И. Рыков, земледелия В.П. Милютин, народного просвещения А.В. Луначарский, по делам продовольствия И.А. Теодорович, по делам торговли и промышленности В.П. Ногин, а также председатель Петроградского совета Г.Е. Зиновьев, профсоюзный лидер С.А. Лозовский, влиятельный член ЦИК Советов Д.Б. Рязанов и др.³

Попытаемся представить, какое социальное, экономическое, идеологическое содержание подразумевала политическая форма «однородного социалистического правительства».

В социальном смысле создание «однородного социалистического правительства» означало бы

*Горинов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, председатель Общественного совета.
E-mail: mihail_gorinov@mail.ru*

формирование власти, отражавшей классовые интересы широкого спектра трудящихся: пролетариата города и деревни, подавляющего большинства крестьянства, городских средних слоев (мелких торговцев и предпринимателей, ремесленников), широких кругов интеллигенции.

В этой связи характерно, что первая большая послеоктябрьская работа Е.А. Преображенского посвящена анализу крестьянского вопроса – «Крестьянская Россия и социализм (К пересмотру нашей аграрной программы)» (1918). Основная идея брошюры – констатация совпадения коренных классовых интересов рабочих и крестьян, так как они «образуют единый трудовой блок, союз производителей ценностей, враждебный всем другим общественным группам, живущим нетрудовыми доходами». Причем в «условиях русской революции этот трудовой блок обладает огромной прочностью», поскольку «не только война, а, прежде всего, борьба за землю неизбежно толкает наше малоземельное крестьянство, т.е. две трети нашего крестьянства, на союз не только с нашим, но и со всем международным пролетариатом»⁴. Так как вследствие колоссальной задолженности частного землевладения российским банкам, котировки акций последних на всех европейских биржах, огромной заинтересованности иностранных банков в ценностях банков российских «передача земли крестьянам без выкупа наносит сильнейший удар европейской бирже, сталкивает крестьянство со всеми капиталистическими классами Запада». Поэтому у крестьян «объективно нет никакого исхода из создавшегося положения, кроме союза и совместной борьбы с пролетариатом против мирового капитала»⁵.

Свой вывод Е.А. Преображенский противопоставляет рассуждениям «горе-марксистов», «марксистских буквоедов», предсказывающих «неизбеж-

ность после войны крестьянской контрреволюции»⁶. Он неоднократно говорит о пролетарско-крестьянском характере русской революции, однажды даже характеризуя Октябрьскую революцию как «крестьянско-рабочую»⁷. Иными словами, Е.А. Преображенский фактически определял установившийся в Советской России режим как революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян. Соответственно и оптимальным политическим выражением этой диктатуры должно было бы быть однородное социалистическое правительство.

В экономическом плане лозунг «однородного социалистического правительства» предполагал ориентацию советского правительства на смешанную экономику: с сильным госсектором, но функционирующую преимущественно на рыночных началах. Именно такая хозяйственная модель в наибольшей степени учитывала бы интересы рабоче-крестьянского блока.

В связи с эти закономерно, что в статье «Нельзя ждать», опубликованной в «Уральском рабочем» 15 ноября 1917 г., Е.А. Преображенский утверждает, что советская власть «может удержаться лишь в том случае, если будут, хотя отчасти, осуществлены требования, выдвинутые участниками Октябрьской революции. Требование хлеба есть основное и самое неотложное требование широких народных масс, и к осуществлению его надо перейти немедленно». «Сложность решения этого вопроса заключается в том, – продолжает Преображенский, – что избыток хлеба находится у тех слоев деревни, которые меньше всего выиграют от конфискации помещичьих земель, а потому в наименьшей степени будут заинтересованы в поддержке советской власти». Следовательно, у «зажиточного крестьянства хлеб можно взять лишь в обмен на продукты фабричной и заводской промышленности». Где же найти последние в условиях «товарного голода»? Необходимые изделия, по мнению Преображенского, могло дать ускорение «демобилизации» (так тогда называли конверсию) промышленности. «По заявлению одного осведомленного представителя военного ведомства, – писал он, – еще месяц назад имелся запас снарядов на полгода самой усиленной стрельбы. Таким образом, к демобилизации, хотя бы частичной, можно приступить без малейшего риска для дела обороны страны. [...] Необходима немедленная организация областного комитета по демобилизации, выработка плана демобилизации, а в некот[орых] зав[одах] возможен уже теперь немедленный переход на мирную работу. [...] Есть некоторые предметы (шанцевый инструмент, например), которые могут прямо поступать на рынок, вместо того чтобы ржаветь месяцами без толку в интендантских складах. Все железные обрезки и мелкие куски металла должны быть немедленно пущены в ход для изготовления шин, гвоздей, скоб и других продуктов, необходимых деревне»⁸.

Таким образом, в этот период Е.А. Преображенский предстает перед нами убежденным сторонни-

ком налаживания эквивалентного обмена с деревней на рыночных началах, а не насильственного изъятия хлеба из деревни; т. е. модели смешанной экономики, а не «военного коммунизма».

В идеологии концепция «однородного социалистического правительства» подразумевала «социалистический плюрализм», то есть свободу печати для представителей всех социалистических течений, а возможно, и для представителей «демократической буржуазии».

Вполне естественна в этом контексте позиция Е.А. Преображенского. Как отмечал уральский исследователь Ю.П. Окунцов, «на одном из заседаний Златоустовского совета рабочих и солдатских депутатов он, отвечая эсерам на их вопрос о свободе печати, заявил, что большевики допустят свободу буржуазной печати»⁹. И, видимо, не случайно, что в Златоусте, «вотчине Преображенского», вплоть до мая 1918 г., наряду с советскими органами, работали учреждения старого режима: городская дума, земская управа, управление воинского начальника и др.¹⁰

То есть модель «однородного социалистического правительства», сторонником которой был наш герой, представляла некий аналог правительства «Народного фронта» 1930-х годов. Использование этой модели перехода к социализму позволило бы, по мысли ее сторонников, избежать кровопролитной гражданской войны.

Линии на «однородное социалистическое правительство» противостояла ориентация на «диктатуру пролетариата», то есть на создание правительства, опиравшегося на городской пролетариат и деревенскую бедноту и идущего на временные компромиссы со средним крестьянством. В экономике это означало ускоренное внедрение «коммунистических начал»: плановое производство и распределение, «борьбу с рынком». В идеологии – запрещение пропаганды меньшевистских воззрений.

Наиболее последовательными сторонниками данной стратегии перехода к коммунизму, вошедшей в историю под именем «военного коммунизма», были В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий. Поскольку, по их мнению, альтернативой военному коммунизму могла быть только победа контрреволюции, большевистских вождей не смущало возникновение, в случае ее реализации (как это и случилось), крупномасштабной гражданской войны.

Да, практически оказалась реализованной стратегия Ленина-Троцкого. Но была ли она неизбежной? Не было ли ей другой альтернативы, кроме победы контрреволюции?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо проверить фундированность основных положений концепции неизбежности военного коммунизма, господствовавшей в советской историографии.

Эти положения суть следующие.

1) Вплоть до мая 1918 г. большевики во главе с их лидером В.И. Лениным проводили достаточно умеренную экономическую политику.

2) Она включала в себя в том числе попытку налаживания весной 1918 г. эквивалентного обмена с деревней промышленных изделий на продукты питания.

3) Однако эта политика потерпела крах, главным образом из-за отсутствия в городах товаров крестьянского спроса.

4) Другим блокирующим фактором являлась отрезанность Центральной России от хлебных районов.

5) Ввиду безальтернативности политики военного коммунизма большевистское правительство было едино в ее проведении.

6) К маю 1918 г. городское население оказалось под угрозой голодной смерти, что вынудило большевиков ввести продовольственную диктатуру – насильственное, практически безвозмездное изъятие в деревне продовольствия как первый шаг политики военного коммунизма. А это в свою очередь отбросило крестьянство в лагерь контрреволюции, создав условия для возникновения крупномасштабной Гражданской войны¹¹. То есть военный коммунизм был вынужденной политикой¹². А Гражданская война – объективно неизбежной.

Однако в 1990-е гг., прежде всего благодаря работам историка С.А.Павлюченкова, данная концепция, по сути, была опровергнута. Опираясь на огромный фактический материал, исследователь доказал следующее.

1) Экономическая политика советского правительства, в первую очередь В.И. Ленина, изначально была далека от умеренности и была направлена на форсирование коммунистических преобразований в экономике (военный коммунизм). Уже «в декабре 1917 г. Ленин внес в Президиум ВСНХ проект всеобщей национализации производства, в котором также предполагалось объявить все акционерные предприятия собственностью государства, аннулировать все государственные займы, ввести трудовую повинность, приписать все население к потребительским обществам и т.п. То есть в этом документе почти в идеальном облике представляла вся система военного коммунизма, которую на практике удалось реализовать лишь в 1920 г. [...] В ВСНХ тогда тоже крепко призадумались и положили проект под сукно»¹³.

Однако, хоть и не в столь радикальном и системном виде, военно-коммунистические мероприятия все же осуществлялись. «Главные факты, свидетельствующие о начале реализации большевистским руководством своих военно-коммунистических установок, общеизвестны: положение о рабочем контроле (14.11.1917), развязавшее стихийную национализацию промышленности; национализация банков (14.12.1917); первый опыт введения политики продовольственной диктатуры в феврале 1918 г.»¹⁴.

31 января 1918 г. Совнарком назначил Л.Д. Троцкого «председателем Чрезвычайной комиссии по продовольствию и транспорту [...]

Троцкий ввел строгие меры по борьбе со спекуляцией, установив, что в случае сопротивления «мешочники» расстреливаются на месте. Предпринимались попытки организации и посылки вооруженных отрядов в деревню для реквизиции продовольствия.

С работой комиссии Троцкого связан существенный эпизод... Нарком продовольствия А.Д.Цюрупа вспоминал, что где-то в конце февраля на заседании комиссии поступил проект декрета, написанный Лениным, в котором крестьянам предписывалось сдавать хлеб под расписку и имелся параграф, где было сказано, что тот крестьянин, который не выполнит положенный наряд в срок, будет расстрелян. Все были шокированы этим предложением: что же мы, будем массовые расстрелы производить? В результате декрет не приняли»¹⁵.

«Все это, – подытоживает С.А. Павлюченков, – типичные символы военного коммунизма. Другое дело, что в смольнинский период большевики еще не приобрели опыта и возможностей для воплощения своих замыслов в полной мере и каждый раз вынуждены были откатываться назад...»¹⁶.

Отнюдь не свидетельствует об умеренности Ленина в экономической политике и его брошюра «Очередные задачи Советской власти» (март - апрель 1918 г.). Ведь помимо соображений о необходимости временного компромисса с буржуазией она «содержала уничижительную характеристику преобладавшего в России мелкокрестьянского экономического уклада и нацеливала на его дискриминацию под лозунгом борьбы с мелкобуржуазной стихией».

«Очередные задачи» были опубликованы в центральных газетах 28 апреля, а на следующий день Ленин более развернуто изложил свои установки в программной речи на заседании ВЦИК, которая уже откровенно была обращена против крестьянства: «Да, мелкие хозяйчики, мелкие собственники готовы нам, пролетариям, помочь скинуть помещиков и капиталистов. Но дальше пути у нас с ними разные. Они не любят организации, дисциплины, они – враги ее. И тут нам с этими собственниками, с этими хозяйчиками придется вести самую решительную, беспощадную борьбу»¹⁷.

2) Товарообмен, который большевики пытались организовать весной 1918 г., на самом деле был не товарообменом, а товарообманом, то есть обменом неэквивалентным; вследствие чего и провалился.

«26 марта [1918 г.] Совнаркомом был принят и начал ускоренно воплощаться в жизнь декрет об организации товарообмена. Однако вскоре стало очевидно, что он не приносит желаемых результатов, и причина тому заключалась отнюдь не в отсутствии достаточного количества товаров, как иногда склонны объяснять некоторые исследователи. Товаров на периферию, особенно в юго-вос-

точный «угол», было брошено огромное количество. М.И.Фрумкин, видный продовольственник, свидетельствовал, что в Сибири не успевали разгружать вагоны, в Омском узле образовалась пробка из товарных маршрутов. Так же усиленно отправлялись товары в губернии Юга и Поволжья. [...]

Тот же Фрумкин, который одно время в качестве члена Коллегии Наркомпрода непосредственно занимался вопросами товарообмена, в 1922 г. писал, что, по существу, товарообмена никогда не было. Говоря о товарообмене весны 1918 г., он указывал на инструкцию Наркомпрода к декрету 26 марта, изготовленную по указке Совнаркома и фактически упразднявшую товарообмен: «Индивидуальный обмен с отдельными крестьянскими хозяйствами воспрещается, не допускается также покупка хлеба у организаций, могущих поставить хлеб. Товары отпускаются по волостям или районам для равномерного распределения среди всех граждан в случае сдачи хлеба всей волостью или районом. Постановление СНК подчеркивает, что к этому делу должна быть привлечена деревенская беднота, которая, само собой разумеется, хлеба не имеет. Другими словами, товар служит не орудием обмена, а премией неимушущим хлеба за содействие в выкачке хлеба от более крепких хозяйств... Вся постанковка товарообмена исключала возможность проведения государством товарообменных операций. Мы можем только установить попытку государства использовать снабжение товарами крестьянства в целом для усиления заготовок в принудительном порядке»¹⁸.

3) В начале 1918 г. Советское правительство располагало огромным фондом промышленных изделий для организации товарообмена с крестьянством.

В обширной записке, представленной Народным комиссариатом продовольствия в Совнарком в марте 1918 г., отмечалось, что зимой 1917/18 г. текстильная промышленность продолжала работать и на складах накопилось значительное количество мануфактуры. Кроме того, «после развала армии в интендантстве освободились «огромные запасы всяких товаров, во многих случаях уже гниющих без всякой пользы, в таможах и портах накопилось много сельскохозяйственных орудий». По расчетам Наркомпрода, даже части этих запасов на сумму 1162000000 рублей было достаточно, чтобы до лета выкачать из деревни большую часть прошлогоднего урожая»¹⁹.

Если весной 1921 г., при почти полном параличе промышленности и опустошений, произведенных Гражданской войной, нашлись товары для «запуска» нэпа, то насколько больше было их весной 1918 г., при введении продовольственной диктатуры?

4) Всегда, даже в условиях отрезанности Советской России фронтами от хлебных районов, существовала реальная возможность получения оттуда продовольственных товаров в обмен на промышленные изделия.

«Ссылки сторонников продовольственной диктатуры на германскую оккупацию и Гражданскую войну на юге несостоятельны, считали московские и петроградские продовольственники и приводили цифры. Так, в апреле для Московской области было получено 1402 вагона продовольствия (14,9% от плана), причем половина этого количества из губерний, занятых неприятелем, – 703 вагона»²⁰.

В свою очередь самарский «Комуч, не ассоциируя население Советской России с враждебным большевистским режимом, еще в начале июля [1918 г.] предложил большевикам свободный пропуск и закупку хлеба для Советской России, но ответа из Москвы не последовало.

Сохранилась скупая запись в протоколе Коллегии Наркомпрода от 26 июня 1918 г.: «По докладу члена Коллегии Фрумкина о получении хлеба из Самары через посредство Центросоюза – постановлено: вопрос о получении хлеба из Самары через посредство Центросоюза отклонить»²¹.

А вот зарисовка периода второй половины 1919 г. Оказывается, что крестьяне «из петлюровской Украины, прельщенные товарами и более высокими ценами в Советской России, имели большое желание торговать с агентами советских организаций, мешочниками и даже, как сообщал председатель Продпути Василий Бонч-Бруевич, везли продовольствие к границе сотнями возов. «Петлюровцы пропускают. Наши отряды установили по дорогам заставы, отбирают все, что крестьяне везут. В результате подвоз прекращен. Бывали случаи, что один отряд отнимал продовольствие у другого отряда, закупившего его на Украине». В результате продовольствия не имели ни Красная армия, ни железнодорожники»²².

5) В большевистском руководстве в течение всего периода военного коммунизма были сторонники налаживания нормальных экономических отношений с крестьянством. За эквивалентный обмен с крестьянством выступали, в частности, председатель президиума ВСНХ А.И.Рыков²³, председатель Моссовета Л.Б.Каменев²⁴ и др.

6) Таким образом, основное бремя вины за развязывание Гражданской войны падает на руководителей большевиков, прежде всего В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. «Вначале политика так называемой красной гвардейской атаки на капитал, развалившая городскую экономику и подорвавшая региональные связи, затем идея вооруженного похода в деревню создали массовую социальную и обширную территориальную базу для развития контрреволюции и спровоцировали, вывели вяло текущую гражданскую смуту на качественно новый виток широкомасштабной фронтовой войны»²⁵.

Итак, напрашивается вывод о наличии в 1918-1920 гг. реальной революционно-демократической альтернативы политике военного коммунизма. Она включала в себя: «однородное социалистическое правительство» плюс регулирующую рыночную экономику. Либо, в случае обострения

разногласий в революционно-демократическом лагере, большевистско-левоэсеровский блок плюс смешанную экономику. То есть расширенный в политическом отношении нэп, который надо было вводить не в 1921-м, а в 1917 г., что позволило бы избежать колоссальных жертв Гражданской войны. Эта альтернатива была реальной, так как за нее, кроме огромной массы рабочих и крестьян (вспомним массовое недовольство продотрядами, заградотрядами, продразверсткой), выступала и значительная часть обладавшей бесконтрольной властью большевистской элиты.

Итак, Е.А. Преображенский, предлагавший в октябре - ноябре 1917 г. сформировать «однородное социалистическое правительство»; понимавший Октябрьскую революцию как революцию крестьянско-рабочую; призывавший наладить эквивалентный обмен с крестьянством; отстаивавший широкий идеологический плюрализм, предстает перед нами одним из реалистически мыслящих большевистских лидеров, призывавших к осуществлению эффективной стратегии – альтернативной политике военного коммунизма. Той стратегии, в случае осуществления которой Россия могла бы избежать крупномасштабной Гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Обзор историографии о Е.А. Преображенском: *Горин М.М.* Евгений Преображенский, большевик из поповичей. М.: Главное архивное управление города Москвы, 2015. Предисловие. С.4-5; Труды Е.А. Преображенского переизданы (выявлены) в продолжающемся издании Главархива Москвы: Т.1. Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы: 1886-1920 гг. М., 2006; Т.2. Е.А. Преображенский: Новая экономика (теория и практика): 1922-1928 гг. М., 2008; Т.3. Е.А. Преображенский. Деньги и мировой капитализм (исследования, научно-популярные работы): 1921-1931 гг. М., 2011. Готовятся к печати еще два тома.
- ² *Лисовский Н.К.* Октябрь на Южном Урале (Борьба за установление и упрочение советской власти на Южном Урале в 1917-1918 гг.). Челябинск: Челябинское книжное издательство, 1957. С.131.
- ³ *Дойчер И.* Троцкий. Вооруженный пророк: 1879-1921

гг. М.: Центрполиграф, 2006. С.339; *Миц И.И.* История Великого Октября. Изд.2-е. Т.2. М.: «Наука», 1978. С.966; Т.3. М.: «Наука», 1979. С.633.

- ⁴ *Преображенский Е.А.* Крестьянская Россия и социализм (К пересмотру нашей аграрной программы). Пг.: «Прибой», 1918. С.16.
- ⁵ Там же. С.17.
- ⁶ Там же. С.16.
- ⁷ Там же. С.17.
- ⁸ *Преображенский Е.А.* Нельзя ждать // Уральский рабочий. Ежедневная газета. Орган Уральского областного и Екатеринбургского комитетов РСДРП. Екатеринбург. 1917. 15 ноября. С.1.
- ⁹ *Окунцов Ю.П.* Товарищ Леонид: (о Е.А. Преображенском) // Маховик: (Специальный выпуск газеты «Златоустовский рабочий» и городского общества краеведов). Златоуст, 1990. С.30-31, 34-36.
- ¹⁰ *Золотухин П.Г., Скрипов К.Ф.* Организация и рост Советов // Десять лет работы Советов РКК и КД Златоустовского округа. Златоуст: Издание Златоустовского окружного исполкома, 1927. С.5-6.
- ¹¹ Анализ советской и постсоветской историографии военного коммунизма: *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Русское книгоиздательское товарищество – История, 1997. Гл.1. Военный коммунизм: идея и необходимость. Вехи историографии. С.16-44.
- ¹² Правда, в 1920-е гг. встречались и иные оценки военного коммунизма. Так, *Л.Н.Крицман*, например, писал: «В действительности так называемый «военный коммунизм» – это первый грандиозный опыт пролетарско-натурального хозяйства, опыт первых шагов перехода к социализму. Он в основе своей отнюдь не являлся заблуждением лиц или класса; это – хотя и не в чистом виде, а с известными извращениями – предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее (теперь уже прошлое)...»: *Крицман Л.Н.* Героический период Великой Русской революции (Опыт анализа т.н. «Военного коммунизма»). Изд.2-е. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. С.77.
- ¹³ *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России... С.59.
- ¹⁴ Там же. С.24.
- ¹⁵ Там же. С.58.
- ¹⁶ Там же. С.24.
- ¹⁷ Там же. С.25-26.
- ¹⁸ Там же. С.34-35.
- ¹⁹ *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М.: Русское книгоиздательское товарищество – История, 1996. С.34.
- ²⁰ Там же. С.49.
- ²¹ Там же. С.61.
- ²² Там же. С.75.
- ²³ Там же. С.46.
- ²⁴ Там же. С.73-75.
- ²⁵ *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России... С.26.

E.A. PREOBRAZHENSKY AND AN ALTERNATIVE TO «WAR COMMUNISM»

© 2016 M.M. Gorinov

Public Council of the Main Archive Administration of Moscow

The article covers the issue of «homogenous socialist government» offered by the majority of the Russian revolutionary democracy, including some Bolshevik leaders, in October-November, 1917. Based primarily on the offers of E.A. Preobrazhensky, later a co-author of N.I. Bukharin in «AzбукаКоммунизма» («ABC of Communism») and a proponent of the «primitive socialist accumulation» concept, the author outlines a possible social, economic and ideological content which was implied by the political form of the «homogenous socialist government». He notes that such an alternative was feasible, and in the case of its implementation Russia could have escaped a large-scale civil war. But the implemented model of the «proletarian dictatorship» («war communism») was not inevitable, as it was declared by the Soviet historiography. On the basis of examining the works by S.A. Pavlyuchenkov, the author criticizes the key aspects of the «inevitable war communism» concept.

Keywords: homogenous socialist government, war communism, E.A. Preobrazhensky, civil war.

*Mikhail Gorinov, PhD, Chairman of the Public Council of the Main Archive Administration of Moscow.
E-mail: mihail_gorinov@mail.ru*